

А. Рекеев

Из чувашских  
преданий и  
верований

## ИЗЪ ЧУВАШСКИХЪ ПРЕДАНІЙ И ВѢРОВАНІЙ.

### 4. Жертвоприношенія и моленія чувашъ.

#### *Происхожденіе жертвоприношеній и моленій у чувашъ.*

Прежде, чѣмъ говорить о самыхъ моленіяхъ и жертвоприношеніяхъ, надо сказать о первоначальномъ происхожденіи ихъ. Чуваши говорятъ, что сначала у людей не было никакихъ моленій и жертвоприношеній. Потому люди стали инстинктивно догадываться, что слѣдуетъ кому-то молиться, но не знали, кому и какъ. Однажды въ одну нѣбу ночью собрались дѣвушки. Зашло разговоръ о молитвѣ, гдѣ и какъ слѣдуетъ молиться? Одна изъ дѣвушекъ сѣбла на чурбакѣ. Встала съ своего мѣста и говоритъ: „вогъ подо мной чурбакъ, давайте ему кланяться. Наша молитва услышана будетъ, кѣмъ слѣдуетъ“. Дѣвушки согласились на предложеніе и стали кланяться чурбаку. Послѣ этого къ тому чурбаку нельзя будто бы стало вря подходить и шумѣть около него. Тогда и всѣ люди стали кланяться около того же чурбака. Послѣ этого чуваши стали уже кланяться и у другихъ деревьевъ.

Но и послѣ этого случая, люди пока только кланялись, а жертвоприношеній все таки еще не было. Жертвоприношеніе у чувашъ появилось вотъ съ чего. Одна дѣвушка сиротка заилуталась въ лѣсу. Встрѣчается съ ней какая-то неизвѣстная дѣвица и приглашаетъ сиротку въ свою хижину. Та согласилась. Придя въ хижину, дѣвушки очень подружались и полюбили одна другую. Приведшая дѣвица и говоритъ, что у ней мать колдунья и людоедка и что она непременно съестъ сиротку, если только увидитъ. Сиротка

пришла въ ужасъ и заплакала. Товарка стала успокаивать ее и сказала, что она не дастъ ее на съѣденіе своей матери. Вскорѣ послышались шаги идущей колдуньи-людобѣдки. Дочь колдуньи тотчасъ же превратила сиротку въ уголь. Входитъ въ хижину мать и говоритъ: „Фу, человѣчиной пахнетъ!“ „Что здѣсь за человѣчина? отвѣтила дочь; конечно должно пахнуть, вѣдь я все дома сижу“. Мать ей не повѣрила и съ жадностью начала ѣсть уголь. Дочь все таки утаила у ней маленькій кусочекъ угля. Затѣмъ мать ушла изъ хижины, а дочь этотъ кусочекъ угля опять превратила въ сиротку. Но недолго имъ пришлось сидѣть спокойно: услышавъ, что колдунья опять приближается къ своей хижинѣ, дочь ее превратила сиротку въ лучинки. Вошла колдунья и опять говоритъ дочери прежнія слова. Дочь опять отвѣчаетъ, что никакой человѣчины нѣтъ, а пахнетъ такъ отъ нея самой. Мать не вѣрять и начинаетъ съ остервененіемъ ѣсть лучинки. Дочери опять удалось утanutь отъ матери одну маленькую лучинку. Послѣ ухода колдуньи она эту лучинку снова превратила въ сиротку и говоритъ, что имъ тутъ вмѣстѣ съ матерію жить невозможно, а нужно куда нибудь удалиться. Взяли дѣвушки коромысло, два ведра, ковшъ и отправились въ быстрой лѣсной рѣчкѣ. Когда онѣ подошли къ берегу, то дочь колдуньи два ведра превратила въ лодку, коромысло—въ рулевое весло, а ковшъ—въ гребное весло, и поплыли по теченію быстрой рѣки. Подплываютъ къ одному неизвѣстному чувашскому селенію, противъ котораго берегъ рѣки образуетъ крутой и страшный красный яръ. А у самаго этого красного яра какой-то воловоротъ, гдѣ пода вертится на одномъ мѣстѣ. Дѣвушки никакъ не могли выѣхать изъ этого омута. Побившись нѣсколько времени и видя свое безсиліе, онѣ заплѣ:

Хёрлѣ сырга хёр лараѣ,	Въ красномъ яру дѣва сидятъ,
Хёрлѣ вѣкаръ тукъ калаѣ,	Съ краснымъ быкомъ молиться
	велить,
Сарѣ тиркѣне йусман калаѣ.	На желтомъ блюдѣ йусманъ
	назначаетъ.

Услышавъ такое пѣніе, приближали на это мѣсто жители того селенія и исполнили назначеніе тѣхъ дѣвицъ, т. е. закололи красного быка, принесли на блюдѣ маинкозъ, йусман) и сотворили первое общественное моленіе, называе-

мое убож. Тогда лодка дѣвушекъ сама собой выплыла изъ страшнаго водоворота и поплыла дальше. Послѣ этого, будто, чувашки стали уже ежегодно совершать убожъ съ быкомъ. Вотъ и корень происхожденія чувашскихъ моленій. Хотя всѣ эти рассказы и сказочны, но чувашки повторяютъ ихъ съ убѣжденіемъ и увлеченіемъ и вѣрятъ имъ.

*Порядокъ чувашскихъ моленій* Я уже говорилъ, что чувашки въ продолженіи года поклоняются непремѣнно всѣмъ своимъ духамъ и ни одного изъ нихъ не забудутъ. Моленія ихъ и жертвоприношенія совершаются не зря, а съ строгимъ при этомъ порядкомъ. Начинается моленіе съ единаго Бога. Затѣмъ молятся Отцу и Матери Его. Далѣе идетъ поклоненіе разнымъ духамъ по чину и достоинству ихъ. При этомъ точно соблюдается и то, чего и сколько нужно извѣстному духу принести въ жертву; Самому единому Богу приносятся жертвы большія по количеству и лучшія по качеству, а остальнымъ духамъ все меньше и меньше: Самому же младшему духу, бѣдному вѣрѣху, достается уже только кисель, да одна лепешка, а кашки съ масломъ ему уже не полагается. Въмѣсто денегъ, надуваютъ его оловянными или свинцовыми жетонами, повѣшенными на красной ниточкѣ, какъ глушенькому; по понятіямъ чувашъ, онъ и этимъ бываетъ очень доволенъ.

Всѣ порядки различныхъ моленій наблюдаются йумзями, знахарями и знахарками, которые имѣютъ большое вліяніе на религіозную жизнь чувашъ. Они-то главнымъ образомъ и поддерживаютъ язычество, научаютъ чувашковъ, какъ и какую слѣдуетъ принести жертву.

Считаю нужнымъ оговориться, что я буду описывать обряды чувашъ не всѣхъ мѣстностей, а только нѣкоторыхъ, мнѣ самому хорошо извѣстныхъ. Да и нѣтъ возможности описывать чувашскіе обряды и моленія такъ, чтобы это описаніе точь въ точь подходило ко всѣмъ мѣстностямъ, потому что въ разныхъ мѣстностяхъ водятся различныя обряды и различныя моленія. Отъѣдешь отъ одной деревни верстъ 20 и видишь, что тотъ же обрядъ исправляется тамъ уже совершенно иначе. Напримѣръ, когда собираются вести покойника хоронить, то во многихъ мѣстахъ принято втыкать въ хомутину лошади иглоку, а въ иныхъ мѣстахъ этого не дѣлается. Потомъ, когда душа человѣка выйдетъ изъ тѣла, т. е.

когда человек помретъ, то принято тотчасъ же выкидывать на улицу одно сырое яйцо; но въ другихъ мѣстахъ поступаютъ иначе: ловятъ живую курицу, отрубаютъ ей голову и выкидываютъ на улицу. Это дѣлается для того, чтобы изъ одного дома уменьшалось непременно четное число душъ. По понятіямъ чувашъ, новый покойникъ на кладбищѣ одинъ (нечетное число) не можетъ оставаться, а непременно потребуетъ къ себѣ изъ семейства другую душу, чтобы лежать не одному. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объ этомъ думаютъ наоборотъ; если случится, что въ одномъ семействѣ въ короткое время помрутъ два человека, то непременно съ тѣломъ послѣдняго покойника кладется въ могилу какое нибудь убитое животное, кошка или курица, чтобы изъ этого семейства уменьшилось нечетное число душъ, иначе не будетъ въ домѣ еще покойникъ. Тоже слѣдуетъ сказать и о моленіяхъ;—они такъ же совершаются различно, а иногда даже переиначены съ христіанскими обычаями. Напримеръ: чуваша сначала помолитъ по своему, потомъ обратятся къ якованъ, помолитъ и на нихъ. Они говорятъ: „енир кѣтесри Турра та пуссапатир“, т. е. „мы и угольному Богу (якованъ) молимся“.

### Руководители чувашъ.

Рѣчь о чувашскихъ руководителяхъ начну съ йумзей; потомъ упомяну о знахаряхъ чувашскихъ и другихъ спеціалистахъ въ дѣлѣ суевѣрій.

*Йумѣс, ворожеи или гадалщики.* Чувашскіе йумѣсы не что иное, какъ чувашскіе врачи. Они у чувашъ имѣютъ почти такое же значеніе, какое у русскихъ простыхъ людей знахари, а у просвѣщенныхъ — врачи. Йумѣсами нельзя называть всѣхъ знахарокъ и знахарей. Они по своимъ спеціальностямъ раздѣляются на разряды: йумѣс, вѣрүсѣ, тулатыш и т. д., какъ и доктора различаются по своимъ спеціальностямъ, напримеръ: докторъ глазной, докторъ внутреннихъ болѣзней и т. д. А русскіе люди, между тѣмъ, всѣхъ этихъ чувашскихъ спеціалистовъ называютъ однимъ именемъ йумзи. Напримеръ, Сбоевъ на 36-й страницѣ своей книги говоритъ: „нарочно приглашенный старикъ йомзя, колдунъ, ворожея, мудрецъ“. Я постараюсь объяснить раздѣльно: что значить

Йумас, колдунъ и прочее. Впрочемъ, между знахарями встрѣчается не мало и такихъ личностей, которыя совмѣщаютъ въ себѣ нѣсколько специальностей. Многіе напрасно думаютъ, что чуваши уже очень почитаютъ йумазей. Вовсе нѣтъ, уважать ихъ заставляютъ только пужда и страхъ. Русская пословица гласитъ: „у страха глаза велики“,—и у чувашъ на этотъ счетъ есть своя пословица, довольно замысловатая: „антранъ кавакал кутан дѣмвѣ тет“,—т. е. „усталая утка задомъ вырнула“. Заболѣлъ русскій человекъ и не знаетъ, что дѣлать, чтобы возвратить себѣ здоровье: начинаетъ сначала совѣтоваться съ другими, болѣе опытными людьми, а не помогутъ, то потомъ уже идетъ къ доктору. Такъ и чуваши, спѣшатъ за помощью къ знахарямъ и йумазямъ. Разница между докторомъ и йумзей состоитъ только въ томъ, что, по представленію чувашъ, йумзи, кромѣ опытности или знанія болѣзней, знаютъ еще какія-то таинственныя слова, посредствомъ которыхъ мѣтко отыскиваютъ причину болѣзни. Эти таинственныя слова, по мнѣнію чувашъ, знаютъ только очень не многіе люди йумасы, которымъ помогаютъ нечистыя силы. Если у чувашъ помретъ ктонибудь, то они тужатъ объ немъ и говорятъ другимъ: „нимѣн тыса-тѣва пѣлмесѣрех вѣлертѣмѣр“,—т. е. „ничего не могли, не сумѣли сдѣлать и допустили умереть“.

Русскій человекъ, если заболѣетъ, находитъ различныя причины своей болѣзни: то простуду, то непосильное поднятіе тяжести и т. п. Чуваша находятъ для своихъ болѣзней совершенно другія причины; предполагаютъ, что болѣзнь получается отъ несоблюденія порядка или правилъ ихъ вѣры, или отъ иныхъ неизвѣстныхъ, таинственныхъ причинъ. Чаще всего чувашенинъ видитъ причину болѣзни въ томъ, что онъ долго не приносилъ своимъ духамъ жертвъ, или давно не поминалъ своихъ усопшихъ родныхъ, или около какойнибудь веремети кричалъ, бранился, не соблюдалъ положенной дисциплины, около священнаго мѣста испугался, или въ какойнибудь священной водѣ ноги промочилъ, или нечаянно встрѣтился съ поссорившимся человекомъ и злоба послѣдняго перешла на него, или гдѣнибудь нечаянно упалъ, споткнулся и испугался. Въ случаѣ болѣзни, чуваша говорятъ: „киреллирен пулнѣ“, т. е. „слѣдуетъ какуюнибудь жертву принести“, или говорятъ: „сянкер йернѣ“.

т. е. „попритчилось“, что бываетъ и у русскихъ въ просто-народья.

И вотъ, когда въ семействѣ чувашевина случится болѣзнь или какая пибудь бѣда, то одинъ изъ членовъ семейства отправляется къ гадалщику и говоритъ: „мана йумѣс пѣкса йар-тѣ“, т. е. „погадайка для меня“. Гадалщики сначала обыкновенно начинаютъ упрямиться, говорятъ: „шун мар-тѣ халѣ, пайан савна ёслемелле-тѣ кѣна ёслемелле-тѣ, пѣкса пулмаст пулѣ“,—т. е.; некогда еще, сегодня нужно то и то работать; вѣроятно, гадать не придется. Пришедшій начинаетъ упрашивать его, говоря: „тархасшѣн турѣ пул“,— „пожалуйста, будь богомъ“, т. е. „яви божескую милость“. Наконецъ йумѣс рѣшается оказать милость и говоритъ: „пѣкса йарас пулѣ еппин“,—„а ну, ужъ развѣ погадать и отпустить тебя?“ Йумѣс иногда дѣлаетъ видъ якобы совѣмъ отказываетъ просителю, а у самого на душѣ совершенно другое: чтобы его больше просили и кланялись ему. Этою неподатливостію йумѣс старается придать себѣ больше значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вынудить побольше денегъ. Конечно, въ такихъ нужныхъ случаяхъ человекъ не очень жалѣетъ денегъ и охотно предлагаетъ ворожцу плату за труды. Но гадалщики обычно начинаютъ отказываться отъ денегъ, говорятъ, что онъ не изъ-за денегъ хочетъ гадать а только потому, что жалѣетъ его. Деньги, впрочемъ, уплачиваются. По мнѣнію чувашъ, если ворожцу не дать денегъ за ворожбу, то сдѣланное имъ добро въ пользу не послужить, нужно дать хоть одну копейку.

Вотъ начинается и самое гаданіе. Надо сказать, что разные гадалщики и гадалщицы гадаютъ не одинаково: одинъ гадаетъ на монетѣ, другой на хлѣбѣ, иной на шуркѣ и т. д. Гадалщики обыкновенно садятся за столъ, вынимаютъ изъ мѣшечка известную монету, свою или какую выпросить у своего просителя, посмотреть на нее, потомъ потреть ее, потомъ опять посмотреть и наконецъ объявляетъ причину, отъ которой страдаетъ больной. Онъ говоритъ вапримѣръ:

„влѣрен асапанатѣр есир,  
тѣпри вилѣсем асапаята-  
рассѣ сире, есир кѣр-сур-  
тинѣ, пѣр сѣре хутшѣнман

„Отъ покойниковъ страдаете вы.  
Коренные (родные) покойники  
мучаютъ васъ. Вы, вѣроятно, во  
время осеннихъ поминковъ не

пулѣ. Икерѣ пѣсѣрѣр, ерех  
илѣр-те хывѣр, сынѣр са-  
мѣланѣ вара\*.

сходились виѣстѣ (не поминали  
виѣстѣ съ другими родными).  
Испеките блиновъ, купите вина  
и помяните покойниковъ и рашъ  
больной выздоровѣтъ\*.

На хлѣбѣ галаютъ слѣдующимъ образомъ: отрѣзывается  
отъ ломтя маленькій кусочекъ хлѣба; затѣмъ берется игла,  
ваѣвается въ нее ниточка, а конецъ иглки крѣпко вты-  
кается въ хлѣбный кусочекъ; потомъ, держа за ниточку,  
ворожеецъ этотъ снарядъ приводитъ въ качаніе и по направ-  
ленію этого качанія узнаеть что нужно. — На шнуркѣ га-  
лаютъ такъ: ворожеецъ беретъ шнурокъ аршина въ полтора  
длины, засучиваетъ правый рукавъ своей рубашки по ло-  
вотъ, выпрямляетъ средній палецъ и начинаетъ мѣрять  
шнурокъ локтемъ на правомъ колѣнѣ, положенномъ на  
лѣвую ногу; мѣрять онъ до тѣхъ поръ, пока шнуръ не  
сойдется съ концемъ средняго пальца, что и означаетъ на-  
хожденіе истины.

Надо замѣтить, что молодые люди йумзями не бьваются;  
этими дѣломъ начинаютъ заниматься только съ тридцати-  
лѣтняго возраста. Не бьваются такъ же йумзями люди бога-  
тые, скромные, не гордые или незнайки. Ворожеями боль-  
шею частью бьваются лѣвтяи и хвастуны, женщины ли то,  
или мужчины.

Если спросишь у чувашъ: зачѣмъ вы обращаетесь къ  
йумзѣ? развѣ онъ больше другихъ знаетъ? чѣмъ онъ можетъ  
помочь человѣку? то чуваша говорятъ: „кайса килетсав ѣунне  
пусарса“, — т. е. „мы ходимъ, чтобы успокоить свою душу“.  
А если спросишь: что дѣлаетъ йумзя для пришедшаго  
человѣка? то чуваша отвѣчаютъ: „пѣшѣлатса лараѣ, темѣн  
тѣваѣ вѣл“, — т. е. „сидитъ и шепчетъ, — не пѣвѣстно что; или  
„унтап вара, ак савна тусан, йывѣр сын тѣрленѣ, тет“, —  
т. е. „говоритъ, сдѣлайте то и то, тогда больной выздоро-  
вѣетъ.“

Чуваша къ йумзямъ ѣзжаютъ иногда довольно далеко,  
даже за пятьдесятъ верстъ и больше. Когда надо, чуваша  
денегъ не жалѣютъ, но йумзямъ платятъ все-таки не очень  
много, копѣйки двѣ, три, много десять, да дарятъ галаль-  
щика полотепцами, рубашками, холстами и проч. Одинъ  
разъ два чувашенина изъ разныхъ деревень пріѣхали вмѣс-



тѣ къ одному знаменитому йумзѣ. Когда имъ пришлось расплачиваться съ знахаренъ, то одинъ изъ прѣзжихъ вызвалъ другого на дворъ и говоритъ; йумзъ ытлашши укѣана кай-аала тавърса парати вѣл? Енѣ йпа нѣр тенкѣлѣх парас тетѣп\*,—то естѣ „йумзя сладеть ли слачи? а ему хочу дать рублевку?“ Тотъ говоритъ, что не знаетъ. Чувашенинъ рѣшился отдать рублевую бумажку. Йумзя принялъ деньги и положилъ себѣ въ карманъ. Отглашій было замѣтилъ: „та-вѣрса пар мана“,—„дай де мнѣ слачи“. Но йумзъ посмотрѣлъ на него съ такимъ удивленіемъ и такимъ грознымъ тономъ промывчалъ „иѣн?“—что? что чувашенинъ замолчалъ, ибо ему стало совѣстно, и вышелъ вонъ. Послѣ, когда они ѣхали домой, то этотъ чувашенинъ всю дорогу протужилъ о рублевкѣ и гнѣвался на своего спутника за то, что тотъ не отсовѣтовалъ ему давать рублевку.

*Тухатмѣш* (колдуны). Изъ знахарей самыми вредными считаются тухатмѣш'и, колдуны. Тухатмѣшами большею частью бываютъ женщины, но не рѣдко и мужчины. Они портятъ людей, скотину, хлѣбныя растенія и т. д. По повѣртіямъ чувашъ, тухатмѣши не могутъ прожить ни одного мѣсяца безъ того, чтобы не испортить кого либо или чтонибудь; безъ этого, де, имъ трудно живется: или заболитъ у нихъ спина, или голова, или откроется какаянибудь ломота, или же начнетъ пыть въ сердцѣ. А если они хоть разъ въ мѣсяцъ сдѣлаютъ какое-нибудь колдовство, то имъ будетъ полегче. Чѣмъ чаще тухатмѣш колдуется, тѣмъ легче бываетъ ему жить. Такимъ страннымъ представленіемъ о тухатмѣшахъ и поддерживается страхъ къ нимъ чувашъ. А сами тухатмѣши гордятся и важничаютъ тѣмъ, что въ нихъ находится такая сила. Иногда они, будто, говорятъ, что и рады-бы не колдовать, но кто-то, находящійся въ нихъ, принуждаетъ ихъ заниматься порчами. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ мѣстахъ про тухатмѣшей говорятъ, что они портятъ только паканунѣ семика (въ ночь на четвергъ предъ Троицей), одинъ разъ въ годъ; въ остальное же время года порчами не занимаются, а только пресматриваютъ предметъ для своей годовой порчи и готовятъ къ упомянутой ночи. Разказы про эту ночь между чувашами вездѣ почти одинаковы. Эта ночь у нихъ называется „симѣк каѣ“. По мнѣнію ихъ, тухатмѣши каждой деревни непременно должны собираться въ эту ночь вмѣстѣ на кладбище, куда и являются въ образѣ разныхъ

животныхъ, птицъ и звѣрей. Въ теченіе ночи каждый тухатыйш обязательно долженъ побывать на семи кладбищахъ, при чемъ они бѣгаютъ съ необыкновенною быстротою. Головы ихъ вичѣмъ не бываютъ покрыты, а женщины бѣгаютъ съ распущенными волосами. Въ эту ночь ростоянія между кладбищами, колдунамъ кажется длиною всего съ воромысло. О сходбищахъ ихъ есть разные рассказы. Одинъ солдатъ шелъ домой на побывку и, дойдя до какой-то деревни, вошелъ въ одинъ домъ почевать. А ночь была какъ разъ „сѣмѣв кас“, т. е. ночь на семикъ. Въ домѣ жили старуха съ дочерью лѣтъ около шестнадцати. Солдатъ легъ спать на лавку. Когда солнышко закатилось, старуха съ дочерью стали что-то суетиться. Потомъ, старуха открыла маленькое дымовое окошечко, которое у чувашъ служитъ выѣсто трубы и называется „тѣнѣ“, влѣзла на печку, чѣмъ-то помазала себѣ глаза и моментально вылетѣла въ это окошечко. Черезъ нѣсколько минутъ и дѣвушка слѣзла тоже самое. Солдатъ не испугался, а только удивился, какъ онѣ черезъ такое маленькое окошечко пролетѣли и куда полетѣли! Въ избѣ съ нимъ остались только одинъ теленокъ и одинъ ягненокъ. Онъ всталъ, посмотрѣлъ на печь и увидалъ тамъ горшочекъ съ какою-то мазью. Этою мазью онъ помазалъ глаза ягпенку и ягненокъ въ мигъ пролетѣлъ въ тоже окошечко. Потомъ солдатъ взялъ немного тойже мази, помазалъ глаза теленку, и теленокъ тоже улетѣлъ. Что же, думаетъ солдатъ, помажу и себѣ глаза! Какъ только помазалъ, тотчасъ же и очутился на кладбищахъ, даже и не замѣтивъ, какъ прилетѣлъ туда. Тамъ онъ нашелъ и ягненка, и теленка, и хозяйку съ дочерью. Хозяйка подходитъ къ нему и говоритъ: „зачѣмъ ты пришелъ сюда?“ Солдатъ отвѣтилъ ей: „послѣ васъ и я помазалъ себѣ глаза и очутился здѣсь“. — „Тебя здѣсь убьютъ, ступай домой“. — „Да я не знаю дороги до вашего дома“. Тогда хозяйка подвела къ нему хорошаго бѣлаго коня, велѣла сѣсть верхомъ и сказала, что этотъ конь самъ привезетъ его на квартиру; при этомъ наказала солдату, чтобы онъ сидѣлъ, какъ можно крѣпче. Конь тронулся съ мѣста. Солдатъ крѣпко схватился за поводья и во всю дорогу тащилъ ихъ къ себѣ, такъ что у него руки заболѣли, но никакъ не могъ остановить коня: бѣжитъ,—земля дрожитъ. Прибѣжалъ къ крыльцу своей квартиры, слѣзъ съ коня и при-

взялъ его къ столбу, а самъ вошелъ въ избу. Въ избѣ никого не было. Солдатъ и вздумалъ взять свои вещи, сейчасъ же сѣсть на коня и уѣхать на немъ домой. Онъ поспѣшно собрался въ дорогу, вышелъ къ коню, и что жѣ видятъ? Въ-сто коня торчитъ бѣлая лутошка, привязанная лычкомъ къ столбу. Оказалось, что на этой лутошкѣ солдатъ и ѣхалъ. Тогда онъ понялъ, что его хозяйка тухатмѣшъ. — На клалбищѣ онъ видѣлъ много различныхъ существъ: людей, кошекъ, лошадей, гусей, собакъ, коровъ и проч. Всѣ они кричали каждое по своему и всѣ были заняты: кто рылъ землю, кто валялся, нвня бѣгали и рвали какія-то рубашки.

Говорятъ, что въ ночь на семикъ тухатмѣши разтѣвжаютъ верхомъ на помслахъ, лутошкахъ, кочергахъ и т. п. вещахъ, при томъ, будто бы, ѣздить чрезвычайно быстро. Въ эту ночь можно тухатмѣшей ловить. Кто хочетъ поймать тухатмѣша, тотъ долженъ быть смѣлымъ и не бояться тухатмѣша, иначе не поймаетъ, а самъ послѣ захвораетъ и можетъ даже умереть. Чтобы поймать колдуна, для этого нужно знать какойнибудь способъ. Чуваши такихъ способовъ знаютъ много, но ловить тухатмѣшей боятся, дабы не получить себѣ вреда. Въ этомъ случаѣ чуваши помнятъ пословицу: „хѣна тивмен сѣлен калтана ан тив, вѣл хѣй сѣленех сѣретѣр“, — т. е. „не тронь не трогающихъ тебя змѣю и ацирицу, пусть ходятъ своей дорогой“. Для охоты на тухатмѣшей существуютъ слѣдующіе способы: 1) Какъ только закатится солнышко, тотчасъ же нужно растворить ворота, выдвинуть со двора телѣгу, безъ лошади, поставивъ концы оглоблей въ самыхъ воротахъ, какъ-бы собираясь на ней выѣхать, принести хомуть и дугу и впрячь безъ лошади: потомъ смотрѣть сквозь хомуть на улицу. Тогда, будто бы, ясно можно будетъ видѣть и узнавать проходящихъ колдуновъ. Кто изъ нихъ въ это время шель по улицѣ кошкой, кто — собакой и прочее, всѣ они покажутся въ своемъ человѣческомъ видѣ. Они тогда сами, будто бы, подходить къ тѣмъ, кто смотритъ на нихъ въ воротахъ чрезъ запряженный хомуть и просятъ помилованія. И надъ ними можно дѣлать тогда что угодно: поколотить ихъ, или взять съ нихъ денегъ и т. п. Послѣ изловленія тухатмѣшъ рабски повинуются изловившимъ его и никогда не посмѣетъ вредить имъ. 2) Если въ ночь на семикъ придется увидеть кошку, или собаку, идущую по двору или по улицѣ, то чуваши стараются не встрѣчаться съ ней и не пугаютъ ее, принимая

ее за тухатмаша. А если кто желаетъ поймать колдуна, то долженъ, увидя подобное животное, нагнать и бить его палкой; если это будетъ тухатмашъ, то онъ приметъ свой человѣческій видъ и будетъ просить помилованія. Однажды одинъ молодой чувашенинъ въ ночь на сѣмѣк увидалъ у себя на дворѣ черную кошку, нагналъ ее и ударилъ сильно палкой. Кошка тотчасъ повалилась на землю, слѣплась человѣкомъ и завопила: „ахъ аѣмъ, аѣмъ! пуѣма шѣгартѣн!“ — охъ дѣтя мое, дѣтя мое! голову мою прошибъ! Молодецъ увалъ, что эта кошка была собственная его мать, а овъ, не зная, прошибъ ей голову. Подобныхъ рассказовъ между чувашами много. 3) Если въ упомянутую ночь случится увидать на полѣ или на улицѣ подозрительное животное, и если желательно поймать его, чтобы удостовѣриться, не колдунъ-ли это, то нужно погнаться за нимъ верхомъ, нагнать его и чѣмъ нибудь ударить. Чуваши говорятъ, что тухатмаша пѣшкомъ нагонять невозможно. Если это обыкновенное животное, то оно такъ и останется животнымъ а если это тухатмашъ, то онъ обратится въ человѣка и будетъ просить помилованія. Былъ такой случай. Одинъ пастухъ въ ночь на сѣмѣк захотѣлъ поймать тухатмаша, — извѣстную ему женщину. Для этого предпріятія онъ съ вечера выбралъ пзъ табуна самую легкую лошадь и отправился къ кладбищу. Недоѣзжая до кладбища, онъ остановился вонѣ той дороги, по которой должна была придти та женщина. Только лишь смсрелось, какъ идетъ по той дорогѣ какое-то черное животное, а пастуха не видитъ. Пастухъ вдругъ хлснулъ коня, наѣхалъ на это животное и началъ стегать его своимъ длиннымъ кнутомъ. Животное тотчасъ же превратилось въ женщину, которая стала просить человѣческимъ голосомъ, чтобы онъ не билъ ее, обѣщаясь дать ему денегъ и холста на рубашку. Оказалось, что эта женщина и была та самая, которую хотѣлъ поймать пастухъ. По мнѣнію чувашъ, всякаго тухатмаша можно поймать, стбитъ только погнаться за нимъ, начать бить, привлгнуть словомъ „вѣлерѣп!“ — убью! Тогда всякій тухатмашъ, чѣмъ-бы и кѣмъ-бы не показывался, тотчасъ же слѣпается человѣкомъ и будетъ просить, чтобы отпустить его живого. 4) Тухатмаша можно узнать еще вотъ такимъ способомъ: въ ночь на сѣмѣк зарядить 'ружье, засѣсть за плетень или въ овражекъ, мимо которыхъ должны проходить тухатмашы, и если придется увидать ночью на

томъ мѣстѣ собаку или кошку, гуся, овцу и проч., то слѣдуетъ выстрѣлить въ неё. Тогда животное непременно побѣжить домой. Выстрѣлившему надо только слѣдить, въ какой домъ забѣжитъ это животное. На другой день въ этомъ домѣ непременно окажется больной человекъ. Такъ тухатмаш и бываетъ узнавъ.

Чуваши не только о тухатмашахъ, но и о другихъ знахаряхъ говорятъ почти тоже, то есть что и имъ, будто, необходимо заниматься своимъ дѣломъ чаще, иначе и имъ становится тяжело жить. Про нѣкоторыхъ тухатмашей между чувашами существуютъ такіе рассказы. Какой нибудь добродушный тухатмаш, жалливый, не желаетъ обижать людей напрасно; но ему все-таки необходимо хоть одинъ разъ въ мѣсяцъ сдѣлать порчу, чтобы быть самому здоровымъ. Вотъ онъ и беретъ съ собою какую нибудь вещь, ухватитъ съ ней въ уединенное мѣсто и начинаетъ тамъ надъ этимъ предметомъ говорить свои страшныя волшебныя слова, грызетъ эту вещь зубами, топчетъ ногами, урчитъ звѣринымъ голосомъ или реветъ быкомъ и т. п., послѣ чего этотъ предметъ и получаетъ совершенно другой, худшій видъ. Напримеръ: если колдовство сдѣлано надъ полотенцемъ, то оно окровавится; если же тухатмаш совершилъ свое дѣйствіе надъ какимъ нибудь растеніемъ, то это растеніе непременно скоро засохнетъ.

Чаще всего эти колдуны портятъ людей, отъ чего человекъ начинаетъ хворать, сохнуть и наконецъ умираетъ мучительною смертію. Портятъ они людей различными способами: наговариваютъ на пищу и питье, тайно уносятъ у человека какую нибудь вещь — поясъ, платокъ, рубашку, чулки, или незаметно отрываютъ волосы, чтобы произнести надъ ними свои наговоры. Черезъ эти предметы вредное дѣйствіе заговоровъ переходитъ на самого ихъ хозяина. Поэтому, когда у чувашенина изъ дома пропадетъ какая нибудь вещь, то онъ начинаетъ думать и тужить, предполагая, что эта вещь унесена тухатмашемъ для порчи.

Чувашскіе знахари и знахарки испорченнаго человека живо узнаютъ. У испорченнаго колдуномъ человека внутри должно быть какое нибудь живое существо, въ родѣ змѣи, ящерицы, или внутренній шарообразный наростъ, который по временамъ перекатывается внутри и тѣмъ сильно беспокоитъ страдающаго порчей. Такіе же признаки бываютъ и въ

вспорченныхъ курахъ и животныхъ. Разъ мнѣ самому пришлось видѣть зарѣзанную большую курицу, которую наши домашніе на рѣшились варить, а выкинули цѣликомъ на улицу, предполагая, что эта курица была испорчена тухатмѣшемъ. Внутри этой курицы, помню, были какіе-то большіе наросты на животѣ и на кишкахъ. Мы на нихъ посматривали тогда съ большими опасеніями и выкинули эту курицу палочками, а не руками.

Для порчи животныхъ колдунъ подвѣшиваютъ имъ лепешки, нарочно испеченныя для этой цѣли, выдергиваютъ или отрѣзаютъ у нихъ нѣсколько волосъ и т. п. Злое дѣло колдуна иногда падаетъ и на хлѣбъ. Тухатмѣш отправляется ночью въ поле, схватываетъ руками нѣсколько колосьевъ, растущихъ рядомъ, и захлестываетъ ихъ въ одинъ узелъ; послѣ этого у хозяина хорошаго урожая никогда не бываетъ. Если же тухатмѣшъ хочетъ портить хлѣбъ на гумнѣ, т. е. уже своженный съ поля, то онъ въ конны кладетъ какую нибудь наговоренную вещь, маленькую горбушку хлѣба съ углемъ, окровавленную тряпичку, человѣческіе волосы, маленькія лешенки съ саломъ и т. п.

Тухатмѣшъ страшно зовъ. Если кто осмѣлится обидѣть его словомъ или дѣломъ, то непременно услышитъ отъ злодѣя угрозу лично или черезъ другихъ. Тухатмѣши обыкновенно угрожаютъ такъ: „ещё жана манмап, асѣнтарѣп!“,— „я это не забуду, заставлю помнить!“ и прочее. Послѣ этого колдунъ ищетъ удобнаго случая подкинуть чего нибудь къ дому обидчика или въ самый домъ. Подкидываются различныя вещи: лепешки, трипочки, обожженные лучинки. Иногда эти лучинки втыкаются въ тренину какой нибудь постройки. На этихъ воткнутыхъ лучинкахъ часто бываетъ сало, кровь, а иногда стоятъ огарышекъ восковой свѣчи.

По рассказамъ стариковъ видно, что прежде чуваше очень боялись такихъ людей, поэтому старались не раздражать ихъ и даже не встрѣчаться съ ними. Нынѣ они съ этими личностями обходятся очень просто: если тухатмѣша застанутъ на мѣстѣ дѣйствія, то сначала силой заставляютъ съѣсть его вредныя лепешки, блины, или хлѣбъ, смотря потому, что онъ принесъ на мѣсто порчи, потомъ отколотятъ его слегка до сыта. Если же не застанутъ такого врага, на мѣстѣ дѣйствія, то найденныя вещи бросаются на дворъ того, о комъ предполагаютъ, что они подброшены именно

нмъ. Иногда подкнятыя вещи берутся жслазными вилами или палками и уносятся въ лѣсъ; тамъ раздвѣиваютъ топоромъ какое нибудь растущее дерево, преимущественно рябинникъ, и въ щель вкладываютъ припесенныя вещи такъ, чтобы дерево сильно прищемяло ихъ. Чуваша увѣрены, что послѣ этого тотъ человекъ, который подкнянулъ эти вредныя вещи, будетъ сильно страдать ломотой въ костяхъ, будетъ сильно ломить ему голову, животъ и прочее. А иногда такія вещи сожигаются на самомъ мѣстѣ ихъ вахожденія, послѣ чего подкнявшій будетъ страдать вжогою и жаромъ внутри.

*Пус-савракан.* (Приворотникъ). У чувашъ есть еще личности, похожія на тухатмаша, такъ называемыя „пус-савракан“, знахари и знахарки приворотники и отворотники. Имъ приписывается сила привораживать и отвораживать человека наговорамъ, наприкладъ, когда мужъ не любитъ жену или жена мужа. Но не всѣ супруги ищутъ только любви; иные желаютъ, чтобы другая половина рабски повиновалась имъ. Наприкладъ, я слышалъ, какъ одинъ чувашенинъ въ ссорѣ говорилъ своей женѣ: „елѣ сапа урамра тирѣслѣк хырса сѣремелле тѣвѣп“, т. е. „я сдѣлаю такъ, что ты (по моему приказу) будешь по улицѣ грести вавозъ“.

*Емелсѣ.* У чувашъ есть еще знахари и знахарки, такъ называемыя емелсѣ или пѣлѣмсѣ, но они почти никакихъ наговоровъ не знаютъ, кромѣ нѣкоторыхъ самыхъ обыкновенныхъ краткихъ изреченій, и занимаются, можно сказать, только исполненіемъ дѣлъ, предназначенныхъ йумсами. Наприкладъ: йумса прикажетъ какому нибудь чувашенину сдѣлать то и то, но не всякій человекъ сумѣетъ выполнить это въ точности такъ, какъ велѣлъ гадалщикъ. Въ такихъ случаяхъ чуваша и обращаются къ этимъ специалистамъ, какъ людямъ, умѣющимъ исполнить все, предназначенное йумсей, какъ слѣдуетъ. Дѣятельность этихъ знахарей походить на дѣятельность фельдшера, который исполняетъ приказаніе врача, дѣлаетъ больному припарки, прикладываетъ горчичникъ и т. п. Хотя эти дѣла и не особенно мудрены, но вѣдь не всякій можетъ сдѣлать ихъ, и лучше пригласить специалиста, фельдшера<sup>1)</sup>. Выполнители приказаній йумсей емелсѣ, заняты больше всего наблюденіемъ за исполненіемъ

<sup>1)</sup> Впрочемъ у чувашъ иногда и сами йуман берутся исполнять свои предназначенія; только это дѣлается за особую плату.

религиозныхъ обрядовъ: приносить разнымъ кереметямъ жертвы, изгоняютъ изъ домовъ всякую нечистоту, изъ больныхъ дѣтей—бѣса, лечатъ страдающаго отъ сглаза и т. п., при чѣмъ играютъ роль священнодѣйствователей. Они же иногда совершаютъ моления или за какой нибудь домъ, или иногда и за все общество.

*Лекаръ отъ сглаза.* Если гадалщикъ найдетъ, что больной человекъ страдаетъ отъ чужаго глаза, то, конечно, его лечитъ особеннымъ образомъ, именно отъ этой болѣзни. Болѣвни сглаза чуваша очень вѣрятъ. Русскій простой народъ отъ сглаза лечитъ умываніемъ больныхъ водой черезъ уголь. У чувашъ это леченіе происходитъ вотъ какъ: больного человека подводятъ, а ребенка подносятъ, къ горнушкѣ, гдѣ хранится жаръ; при этомъ голова больного сверху покрывается платкомъ, а лицо остается не закрытымъ. Въ такомъ видѣ больного держатъ надъ жаромъ, наклонивъ голову. Потомъ знахаръ беретъ горсть немолотой соли и начинаетъ понемногу бросать еѣ въ горнушку на угли, говоря; „кус тух, кус тух“, - выходи глазъ. Конечно, соль отъ жара трещитъ, а знахаръ, слыша это, говоритъ: „ай, ай, кус вѣйлѣй фвѣѣ, ав йешле шартлатат!“— ай, ай, сильно сглазили, вонъ какъ трещитъ! При этомъ онъ перебираетъ имена и глаза тѣхъ лицъ, около которыхъ находился этотъ больной, или съ кѣмъ онъ видѣлся за послѣднее время, и повелѣваетъ снмъ глазамъ выдти изъ больного человека, говоря: „Иван кусѣ тух, Петр кусѣ тух, Сергѣй кусѣ тух“,— „Ивановъ глазъ выходи“, „Петровъ глазъ выходи“, „Сергѣевъ глазъ выходи“. Не бываетъ исключенія даже и глазамъ родителей больного. Знахаръ говоритъ: „ашшеѣ кусѣ тух, амѣш кусѣ тух“,— „глазъ отца выходи“, „глазъ матери выходи“. Поминаются затѣмъ глаза русскаго человека, татаряна и проч: „вырѣс кусенѣен пулсан та, тутар кусѣнѣен пулсан та тух кус!“ т. е. „если случилось отъ глазъ русскаго, татарскаго, выходи глазъ!“ Словоиъ, знахаръ перебираетъ имена всѣхъ, съ которыми заболѣвшій могъ видѣться передъ своею болѣзнию.

Священникъ *А. Ректевъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій по Казанской Викаріи за 1897 годъ.

Казань. Типографія Императорскаго Университета.